

Е. В. Кашкин, С. О. Никифорова

ИРЯ РАН, МГУ, Москва

**МОЛОДЫЕ ТИПОЛОГИ О СТАРОМ
(СИСТЕМЫ ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЯМИ ‘СТАРЫЙ’,
‘МОЛОДОЙ’, ‘НОВЫЙ’ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ)¹**

1. Введение

Предметом нашего исследования являются лексемы со значениями ‘старый’, ‘новый’, ‘молодой’ в трех уральских языках: мокшанском (говор сс. Лесное Цибаево, Лесное Ардашево и Лесные Сияли Темниковского р-на Мордовии), ненецком (говор с. Белоярск Приуральского р-на Ямало-Ненецкого АО) и коми-зырянском (говоры ижемского диалекта, распространенные в Ямало-Ненецком АО: сс. Мужы, Восяхово, Белоярск, отдельные данные по говорам сс. Самбург и Нори).

Исследование велось методом опроса информантов² по фреймовой анкете, основанной на выделении типов интерпретации конструкций *старый* + N, предложенных на основе изучения русского материала в [Рахилина 2000/2008: 197–213]. Эти же типы интерпретации взяты за основу в проекте [Rakhilina, Marushkina 2013], где по данным двуязычных словарей исследуется семантическое поле ‘старый’ на материале около 100 языков, относящихся к разным семьям и ареалам. Более общей методологической базой в данном случае служит фреймовый подход к лексической типологии, см. [Рахилина, Резникова 2013] (и, фактически, каждый из выделенных типов конструкций представляет собой отдельный фрейм в терминологии этого подхода). Помимо единиц поля ‘старый’ мы рассматриваем и антонимичные им лексемы со значениями ‘молодой’, ‘новый’, в каждом случае выясняя у информанта, как можно описать противоположную ситуацию.

¹ Исследование коми-зырянского и ненецкого языков поддержано грантом РГНФ №14-04-00476а. Исследование мокшанского языка поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884а.

² Приводимые в работе примеры, если эксплицитно не оговорено иное, получены от информантов.

I. Конструкции *старый* + N_{неодуш}

1. СТАРЫЙ ЛЕС — «давно возникший и существующий объект»: старый дуб, старая мозоль и пр. Частый антоним: *молодой, новый*.

2. СТАРАЯ ТРЯПКА — «давно используемый и пришедший вследствие этого в ветхость и/или негодность объект»: старая одежда, старая мебель и пр. Частый антоним: *новый*.

3. СТАРОЕ РУСЛО — «не используемый в настоящее время объект»: старый (прежний) дом, старая (прежняя) лыжня и пр. Частый антоним: *новый, теперешний*.

4. СТАРЫЕ МОНЕТЫ — «объект, созданный в прошлом и относящийся к прошлому»: старые картины, старые иконы и пр. Частый антоним: *новый, современный*.

II. Конструкции *старый* + N_{одуш}

1. СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК — «лица, с языковой точки зрения подверженные возрастным изменениям»: старый крестьянин, старый профессор и пр. Частый антоним: *молодой*.

2. СТАРЫЙ ДРУГ — «имена лиц, содержащие признак, попадающий в сферу действия временного оператора» (т. е. давно являющийся кем-то): старый солдат, старый игрок и пр. Частый антоним: *новый, неопытный*.

3. СТАРЫЙ ДИРЕКТОР — «сменные должности и свойства»: старый глава села, старый министр и пр. Частый антоним: *новый, теперешний*.

4. СТАРЫЕ МАСТЕРА — «свидетели эпохи» (жившие в старую эпоху): старые учителя («старой школы») и пр. Частый антоним: *новый, современный*³.

Типологическим фоном нашего исследования, помимо уже упомянутых работ [Рахилина 2000/2008; Rakhilina, Marushkina 2013], служат исследования английского [Taylor 1992] и китайско-

³ Отметим вместе с тем, что и в [Рахилина 2000/2008], и в [Rakhilina, Marushkina 2013] в фокусе внимания находится анализ типа системы в целом: например, исследуется, есть ли в языке доминантная лексема 'старый', охватывающая все или большинство типов ситуаций, или же они членятся изначально более подробно. Детальное исследование единиц доминантной системы, имеющих более узкую семантику (ср. рус. *бывший, прежний, древний, старинный*), в задачи этих работ не входит.

го [Кузьмина 2011] языков, а также краткий обзор данных по уральским языкам в [Цыпанов 2007].

2. Категоризация базовых противопоставлений

2.1. Ненецкий язык

Для ненецкого языка проанализированы лексемы *нармбэй*, *вэсако*, *уахйт* и *невхы* в зоне 'старого' и лексемы *уйцекы* и *едэй* в зоне 'молодого, нового'. Соотношение этих лексем с базовыми типами ситуаций представлено на Рис. 1 и 2.

Рис. 1. Семантическая зона 'старый' в ненецком языке

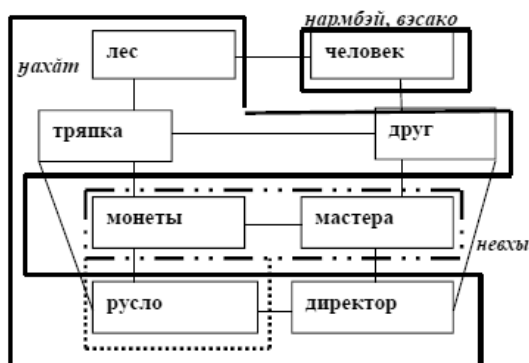
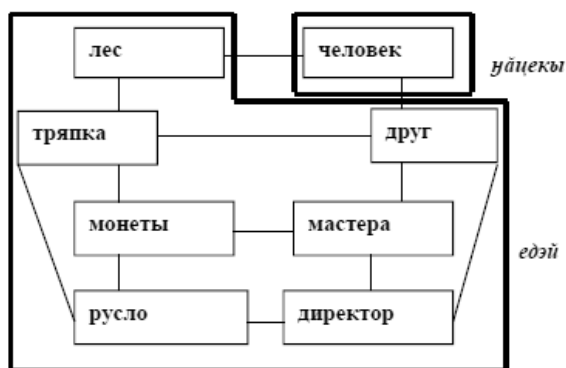

Рис. 2. Семантическая зона 'молодой', 'новый' в ненецком языке

В типе СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК используется лексема *нармбэй* либо лексема *вэсако* (о различиях между ними см. раздел 3.1)⁴. Лексема *невхы* применяется в типах СТАРЫЕ МОНЕТЫ, СТАРЫЕ МАСТЕРА (1) и реже (что показано пунктирной линией на Рис. 1) в типе СТАРОЕ РУСЛО (4). Последний тип обычно кодируется прилагательным *нахйт*, как и другие не упомянутые выше типы, см. примеры (3)–(5) на типы СТАРЫЙ ДИРЕКТОР, СТАРОЕ РУСЛО и СТАРЫЙ ДРУГ соответственно. В (3) речь идет об уволившемся директоре школы, вместо которого уже работает другой человек, при этом выражение *нармбэй директор* значило бы ‘пожилой по возрасту директор’, а выражение *невхы директор* некоторыми носителями запрещается, а некоторыми трактуется как указание на кого-то из еще раньше работавших директоров.

В зоне ‘молодого’, ‘нового’ молодых одушевленных существ описывает (в атрибутивной конструкции) лексема *нацекы* (используемая и как существительное ‘ребенок’), в остальных случаях употребляется прилагательное *едэй* (см., например, (2))⁵.

- (1) *Невхы/*уахйт ненэцй-*” *сярка-м*
старый старый человек-PL водка-ACC
ни-вы-” *пэр-*”
NEG-EVID-3PL пить-CN
‘Древние люди не пили водку’.
- (2) *Едэй нацекы-*” *лэка-рка-*”
новый ребенок-PL ленивый-АГТ-PL
‘Новое поколение детей ленивое’.

⁴ Лексема *вэсако* используется в ненецком языке как существительное ‘старик’, но, кроме того, имеет и атрибутивные употребления, отдельно отмечавшиеся и в [Терещенко 1965: 77]. О них и идет речь в данном случае.

⁵ В [Кошкарева (ред.) 2010: 34] приводится, в том числе для рассматриваемого нами приуральского говора, лексема *илъугы* ‘молодой’. В нашем материале, однако, примеров употребления такого прилагательного не отмечено, и, кроме того, фиксируется употребление лексемы *нацекы* по отношению к лицам явно не детского возраста, например к молодому врачу или учителю, что может свидетельствовать о расширении семантики этой лексемы в изученном нами говоре с. Белоярск.

- (3) *Мяня”* **нахът** *директор-ма”* *мя-кӧ-нда*
 мы старый директор-POSS1PL дом-DAT-POSS3SG
хая-сь.
 уехать.3SG-PST
 ‘Наш старый директор домой уехала’.
- (4) *Тяха-кӧна* *Совхознэй* *улица-хӧна* *иле-ва-ць,*
 дальше-ESS Совхозный улица-ESS жить-1PL-PST
теда’ *Центральнэй* *улица-хӧна* *иле-ва”*,
 сейчас Центральный улица-ESS жить-1PL
нахът / *невхы* *мя-кӧна-на”* *ню-ми*
 старый старый дом-ESS-POSS1PL сын-POSS1SG
иле.
 жить.3SG
 ‘Когда-то на Совхозной улице мы жили, а сейчас на Центральной улице живем, в нашем старом доме сын живет’.
- (5) **Нахът** *ты* *пэр-тя* *малко*
 старый олень пасти-PRT караулить.оленей
сававна *тенева.*
 хорошо уметь.3SG
 ‘Старый оленевод (т. е. давно являющийся оленеводом) хорошо караулить оленей умеет’.

2.2. Коми-зырянский язык

В коми-зырянском языке рассмотрены прилагательные *пӧрысь*, *важ* и *важъя* в зоне ‘старого’ и прилагательные *том* и *выль* в зоне ‘молодого’, ‘нового’. Сфера употребления этих лексем проиллюстрирована на Рис. 3 и 4.

Рис. 3. Семантическая зона ‘старый’ в коми-зырянском языке

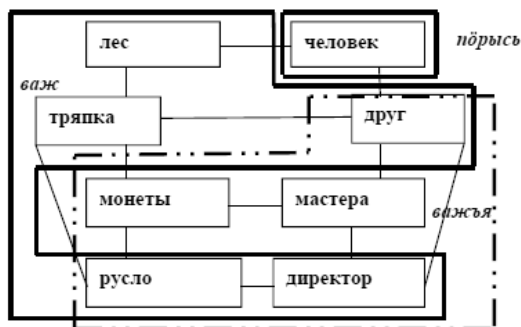
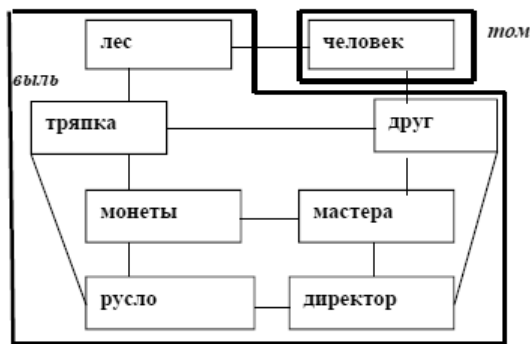

Рис. 4. Семантическая зона ‘молодой’, ‘новый’ в коми-зырянском языке

Лексема *пӧрысь* соответствует типу СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК. У прилагательного *важъя* базовые контексты относятся к типам СТАРЫЕ МАСТЕРА (6) и СТАРЫЕ МОНЕТЫ (7), у прилагательного *важ* — к типам СТАРЫЙ ЛЕС и СТАРАЯ ТРЯПКА (8)⁶. Различие между прототипическими контекстами употребления этих лексем наглядно видно при сопоставлении примеров (7) и (8). Выражение *важ паськемъяс* (употребленное вместо *важъя паськемъяс*) в (7) предполагало бы, что в сундуке лежит старая, поношенная одежда. С другой стороны, попытки использовать *важъя* вместо *важ* в (8) нередко вызывают недоумение носителей языка по поводу того, что действующее лицо этого примера зачем-то выбрасывает семейную реликвию.

- (6) **Важъя**/***важ** *кузнечь-яс вӧл-іныс,*
 старый старый кузнец-PL быть-PST.3PL
кӧрт-сэ нюклял-існыс,
 железо-ACC.POSS3SG гнуть-PST.3PL
быдчема-сэ кар-исныс.
 всякий-ACC.POSS3SG делать-PST.3PL
 ‘Старинные кузнецы были, железо гнули, всякое делали’.

⁶ Лексемы *важ* и *важъя* связаны словообразовательно. *Важ* используется в обследованных говорах также в значениях ‘старье’ и ‘былое, прошлое’, ср. *сотны важсэ* ‘сжечь старье’, *вунэдны важсэ* ‘забыть прошлое’ [Бирюк и др. 2010: 23]. *Важъя*, в свою очередь, образовано от *важ*-существительного по регулярной для отыменных прилагательных модели.

(7) *Мам-е-лэн* *важъя* *сундук-ас*
 мама-POSS1SG-GEN старый сундук-ESS.POSS3SG
важъя *пасъкемъ-яс* *пыр* *на* *выйым-есь*.
 старый одежда-PL всегда еще иметься-PL
 ‘В мамином старинном сундуке старинная одежда все еще есть’.

(8) *Важ* *дөрэм-ыс* *косяс-ис,*
 старый рубашка-POSS3SG рваться-PST.3SG
ме сіе *шыбит-і*.
 я этот.ACC выбросить-PST.1SG
 ‘Старая рубашка порвалась, я ее выбросила’.

В типах СТАРЫЙ ДРУГ (9), СТАРОЕ РУСЛО (10), СТАРЫЙ ДИРЕКТОР допускается как прилагательное *важ*, так и прилагательное *важъя*. Что же касается антонимичной зоны, то в ней слово *там* применяется к молодым одушевленным объектам, а также к молодым деревьям, в остальных типах ситуаций используется слово *выль* (см., например, (10)).

(9) *Важъя/важ* *ёрт-э* *лёк-е*
 старый старый друг-POSS1SG плохой-ILL
менэ оз *тёт*.
 я.ACC NEG.NPST.3 бросить
 ‘Мой старый друг меня в беде не бросит (букв. ‘в плохое меня не бросит’)’.

(10) *А этэн,* *наверно,* *местэ-ыс* *бур-дъык*
 а там наверное место-POSS3SG хороший-СМРР
вёл-іс, *вот* *важ* *Нарий-ыс* *зэй*
 быть-PST.3SG вот старый Нори.OBL-POSS3SG очень
бур *местэ-ын* *вёл-іс,* *эні* *выль*
 хороший место-ESS быть-PST.3SG сейчас новый
Нарий-ыс *мёд,* *лёк-дъык* *местэ-ын* *на*.
 Нори.OBL-POSS3SG другой плохой-СМРР место-ESS РТС
 ‘А там, наверное, место получше было, вот старые Нори на очень хорошем месте были, сейчас новые Нори на другом месте, похуже’. [Архив ОГТРК «Ямал-Регион», запись М. И. Ёлтышевой, интервью с участницами клуба «Битор», г. Надым, 2005 г.]

2.3. Мокшанский язык

В мокшанском языке выделяются три лексемы в зоне ‘старого’: *s’ir’ə*, *taštə*, *kunardən*, и одна лексема в зоне ‘молодого’, ‘нового’: *od*. На Рис. 5 и 6 показано соответствие этих прилагательных базовым типам конструкций *старый + N*.

Рис. 5. Семантическая зона ‘старый’ в мокшанском языке

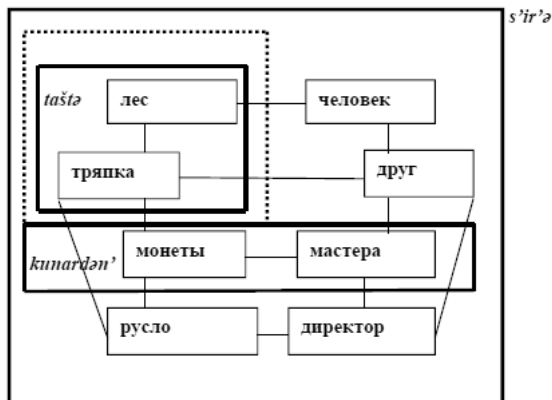
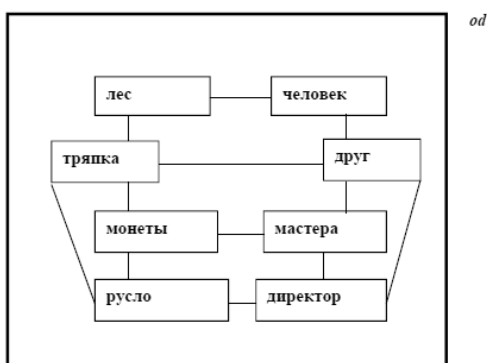

Рис. 6. Семантическая зона ‘молодой’, ‘новый’ в мокшанском языке

Прилагательное *s’ir’ə* — доминантная лексема в семантическом поле ‘старый’: оно может использоваться в контекстах, относящихся к каждому из выделенных типов (см., например, тип СТАРЫЙ ДРУГ в (11)).

- (11) *vas'ε-n'd'i is'ak topəd-s' kolmən'gemən'*
 Вася-DAT вчера исполниться-PST.3SG тридцать
kizə; son mon' s'ir'ə jalga-z'ə
 год он я.OBL:GEN старый друг-1SG.POSS.SG
 ‘Васе вчера исполнилось тридцать лет; он мой старый друг’.

Сферы употребления двух других прилагательных зоны ‘старого’ гораздо более специальные. Лексема *taštə* может использоваться исключительно в типах СТАРЫЙ ЛЕС и СТАРАЯ ТРЯПКА (пример последнего показан в (12)). Впрочем, и на эти типы накладываются некоторые ограничения сочетаемости, которые будут описаны в разделе 3.3.

- (12) *t'ε modamar'-s' taštə, af c'eber'*
 этот картошка-DEF.SG старый не хороший
a t'ε od modamar'
 а это молодой картофель
tol'kə što targa-v-s'
 только что выкопать-PASS-PST.3SG
 ‘Эта картошка старая, плохая (букв. ‘не хорошая’), а это молодая картошка, [εε] только что выкопали (букв. ‘только что выкопалась’)’.

Прилагательное *kunardən'* прототипически относится к типам СТАРЫЕ МОНЕТЫ (13) и СТАРЫЕ МАСТЕРА, однако при определенных условиях, о которых пойдет речь в разделе 3.4, может употребляться и в типах СТАРЫЙ ЛЕС и СТАРАЯ ТРЯПКА (на Рис. 5 это обозначено пунктирной линией).

- (13) *baba-z'ə az-ən'-šn'ə-s'*
 бабушка-1SG.POSS.SG сказать-IPFV-HAB-PST.3SG
kunardən' jofks-t
 давнишний сказка-PL
 ‘Моя бабушка [часто] рассказывала старинные сказки’.

Понятия ‘молодой’ и ‘новый’ во всех контекстах выражаются единственным мошанским прилагательным этой зоны — *od*. В примерах (14)–(16) проиллюстрировано его употребление в типах СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК, СТАРАЯ ТРЯПКА и СТАРЫЙ ДИРЕКТОР соответственно.

- (14) *kišn'ə-mə* *jaka-j'ət'* *v osnəvnom*
 танцевать-INF ходить-NPST.3PL в основном
od *ava-t* *i od* *al'a-t*
 молодой женщина-PL и молодой мужчина-PL
 'На танцы ходят в основном молодые женщины и молодые мужчины'.
- (15) *son suva-s'* *od kud-s,*
 он войти-PST.3SG новый дом-ILL
kona-n' *tol'kə što stroja-z'*
 который-GEN только что строить-PST.3.O.3PL.S
 'Он вселился в новый дом, который только что построили'.
- (16) *s'ir'ə* *glava-t'* *s'embə*
 старый глава-DEF.SG.GEN все
kelgə-z' *a od glava-t'*
 любить-PST.3.O.3. PL.S а новый глава-DEF.SG.GEN
kivək af kel'k-si
 кто-ADD не любить-NPST.3SG.O.3SG.S
 'Старого главу [села] все любили, а нового главу никто не любит'.

Как видно на материале ненецкого, коми-зырянского и в особенности мокшанского языков, категоризация зон 'старого' и 'молодого', 'нового' асимметрична: в зоне 'молодого', 'нового' системно стираются противопоставления из зоны 'старого'. В мокшанском языке этот процесс достиг своей высшей точки — полного отсутствия каких бы то ни было оппозиций в зоне 'молодого', 'нового' при сохраняющейся сложной организации зоны 'старого'.

3. Дополнительные противопоставления

Семантические оппозиции в изучаемом поле, что отмечалось и в [Rakhilina, Marushkina 2013], не сводятся к различиям между базовыми типами конструкций *старый + N*. В данном разделе мы обсудим встретившиеся на нашем материале дополнительные противопоставления и соотнесем эти сведения с доступным типологическим фоном.

3.1. *Оппозиция по полу*

Первое из обнаруженных нами усложнений системы — это оппозиция по полу в типе СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК. Она проявляется в ненецком языке, где словосочетание *нармбэй ненэць* ‘старый человек’ может быть применено к человеку любого пола, а словосочетание *вэсако ненэць* ‘старый человек’ — только к мужчине⁷. Такое противопоставление отмечено и в [Rakhilina, Marushkina 2013] — для узбекского языка и для распространенных в Северной Америке майдуанских языков.

3.2. «Одушевленное» прилагательное для деревьев

Еще одно дополнение базовой классификации, выделяемое на материале коми-зырянского и ненецкого языков, состоит в том, что для характеристики деревьев может использоваться то же прилагательное, что и для одушевленных существ. Иллюстрация приведена в коми-зырянском примере (17), где возраст лиственницы может быть описан не только прилагательным *важ* ‘старый (о неодушевленных объектах)’, но и прилагательным *пӧрысь* ‘старый (об одушевленных объектах)’. Молодой возраст дерева описывается в коми-зырянском прилагательным *том* ‘молодой’ — при этом о молодой траве обычно говорят *вьль турун* (букв. ‘новая трава’), но не ^{??} *том турун*.

- (17) *сир-ыс* *быдм-е* *пӧрысь / важ*
смола-POSS3SG расти-NPST.3SG старый старый
ния *вьль-ын*
лиственница верх-ESS
‘Смола растет на старых лиственницах’.

Зафиксированный на уральском материале особый статус возраста деревьев отмечен и в других языках, ср. упоминание татарской и башкирской систем в [Rakhilina, Marushkina 2013]. Некоторая аналогия прослеживается и в русском языке, где возраст и деревьев, и других растений описывается прилагательным *молодой*, но не *новый*, ср. *молодая береза* (56 вхождений в НКРЯ) vs.

⁷ В [Терещенко 1965: 492] фиксируется также употребление лексемы *пухуця* ‘старуха’ в атрибутивной позиции в значении ‘старый’ (о женщине). Наши данные, однако, содержат только субстантивные употребления слова *пухуця*.

^{??}новая береза (не фиксируется в НКРЯ); *молодая картошка* (42 вхождения в НКРЯ) vs. ^{??}новая картошка (3 вхождения в НКРЯ). Вместе с тем русское прилагательное *молодой* захватывает более широкий класс объектов природного происхождения (*молодые льды, молодые горы, молодой месяц* и др.), а также сочетается с названиями олицетворяемых неодушевленных объектов, в первую очередь населенных пунктов или организаций (если речь идет об их недавнем возникновении), как в примерах *молодой город, молодой поселок, молодая республика, молодой театр, молодое предприятие, молодая фирма*, ср. также пример олицетворения в сочетании *молодой корабль*.

3.3. Нейтральная vs. негативная оценка

Мокшанский язык наглядно иллюстрирует типологически релевантное для описываемого поля противопоставление по оценке объекта. Мокшанское прилагательное *s'ir'ə* с этой точки зрения абсолютно нейтрально. Одинаково допустимо добавить в контекст с ним информацию, описывающую объект как с положительной, так и с отрицательной стороны — ср. (18) и (19).

(18) *t'ε kud-s' s'ir'ə, son ašč-i s'ada*
 этот дом-DEF.SG старый он стоять-NPST.3SG сто
kizə n'i son uže kalad-i
 год уже он уже разваливаться-NPST.3SG
 'Этот дом старый, он стоит уже сто лет. Он уже разваливается'.

(19) *t'ε kud-s' s'ir'ə i kr'epkaj*
 этот дом-DEF старый и крепкий
 'Этот дом старый и крепкий'.

В свою очередь, лексема *taštə* передает отрицательную оценку объекта, связанную с потерей функциональности, и для описания ветхого дома, обветшалой одежды, трухлявого дерева, как правило, используется именно это слово (20).

(20) *t'ε pεk taštə kud-s', son uže*
 это очень старый дом-DEF он уже
kalad-i
 разваливаться-NPST.3SG
 'Это очень старый дом, он уже разваливается'.

Прилагательное *taštā* может сочетаться со словами, характеризующими объект положительно, однако в этом случае используется конструкция с союзом *no* ‘но’ (21). Без этой конструкции одновременное употребление *taštā* и слова с положительной оценкой для описания одного и того же объекта считается неприемлемым.

- (21) *t'ε panar-s' taštā, no c'ebēr', kr'epkaj*
 этот платье-DEF старый но хороший крепкий
 ‘Это платье старое, но хорошее, крепкое’.

Как уже было сказано, лексема *taštā* используется в типах СТАРЫЙ ЛЕС и СТАРАЯ ТРЯПКА. Однако с некоторыми словами, относящимися к типу СТАРЫЙ ЛЕС, *taštā* употребляться не может: это слова, для которых идея потери функциональности по причине большого возраста не применима. Так, невозможно описание словом *taštā* старой мозоли, хотя она и относится к типу СТАРЫЙ ЛЕС.

Очень частотно употребление лексемы *taštā* в словосочетаниях, эквивалентных русским конструкциям с прилагательным *ветхий*, однако они не являются точными аналогами. Слово *ветхий* описывает в современном русском языке объекты, которые разрушаются по причине большого возраста (*ветхое платье, ветхая тряпка, ветхий дом, ветхое жилье, ветхие купюры*, а также мотивированные подобными контекстами переносы на имена лиц типа *ветхая старушка*). Мокшанское *taštā* выражает отрицательную оценку старого объекта, но необязательно из-за его разрушения. По этой причине в русском языке невозможны сочетания **ветхий хлеб, *ветхое молоко, *ветхая картошка*, где не идет речь о разрушении, а в мокшанском эти объекты могут быть описаны как *taštā*, оцениваясь отрицательно каждый по своим критериям (хлеб — как черствый, молоко — как прокисшее, картошка — как сморщенная и сгнившая)⁸.

⁸ Отметим, кроме того, что русское *ветхий* сочетается скорее с названиями артефактов. В поисковой системе Google находится несколько сотен примеров на сочетание *ветхое дерево*, где речь идет о спиливании деревьев в целях благоустройства территории. Однако такие примеры все же периферийны, поскольку они не допускаются многими из опрошенных нами носителей русского языка, а поиск по сочетанию *ветхое дерево* в НКРЯ дает всего 5 контекстов, самый поздний из

Кроме того, как было ранее упомянуто, в конструкции с союзом ‘но’ можно использовать лексему *taštə* для описания предмета в хорошем состоянии. Однако это невозможно для русского *ветхий* (**Этот дом ветхий, но хороший, крепкий*). Объяснение этому можно дать, трактуя значения этих двух прилагательных следующим образом: *taštə* апеллирует к возрасту объекта, добавляя отрицательную оценку состояния (на которую при определенных условиях может переноситься акцент, но которая может и «исчезать» в соответствующих контекстах — см. (21)). *Ветхий* же одинаково сильно фокусируется как на плохом состоянии объекта (и вытекающей из этого отрицательной оценке), так и на причине этого плохого состояния — большом возрасте.

В свете типологического описания параметра оценки заметим, что в [Rakhilina, Marushkina 2013] формулируется оппозиция “positive vs. negative connotations”, но мокшанский язык противопоставляет **негативную** оценку именно **нейтральной**. В [Кузьмина 2011] противопоставление “positive vs. negative” отмечается также для китайского языка, но по приводимым примерам оно не очевидно (ср. примеры ‘старый развратник’ и ‘его несколько длинных старых зубов’ с «положительной» оценкой vs. ‘старые фотографии’ и ‘старое название’ с «отрицательной» оценкой).

3.4. Дистанция во времени

Употребление мокшанского прилагательного *kunardən*, прототипически соответствующего типам СТАРЫЕ МОНЕТЫ и СТАРЫЕ МАСТЕРА, может при определенных условиях относиться к типам СТАРЫЙ ЛЕС и СТАРАЯ ТРЯПКА. Словообразовательно связанное с *kunarə* ‘давно’, это прилагательное передает идею возникновения и/или существования в давние времена, а также идею **значительной** отдаленности объекта во времени от момента речи ((22), также возможно о дубе, рубашке, мозоли, картошке, молоке, воспоминаниях о прошлом и пр.).

которых датируется 1928 г. Кроме того, и в НКРЯ, и в поисковых системах крайне немногочисленны примеры сочетаний слова *ветхий* с названиями конкретных деревьев, например березы, дуба, тополя — в свою очередь, в наших мокшанских данных подобные примеры достаточно частотны.

- (22) *vel'ə-t'* *kraj-sə* *ašč-i*
 село-DEF.SG.GEN край-IN находится-NPST.3SG
kud. son kunardən', son'-d'ejə-nzə
 дом он давнишний он.OBL-PRON.DAT-3SG.POSS
s'adə kizə, no son n'ingə taza
 сто год но он еще крепкий
 ‘На краю села стоит дом. Он старый, ему сто лет, но он еще крепкий’.

Возможно также совместное употребление прилагательных *kunardən'* и *taštə* для описания одного и того же объекта. В таком случае они относятся к разным аспектам его «старости»: первое указывает на то, что объект возник/был создан давно, а последнее, благодаря оценочной части своего значения, описывает его нынешнее состояние — см. (23)–(24).

- (23) *panar-s'* *kunardən'*, *no af taštə*
 платье-DEF давнишний но не старый
 ‘Платье давно купленное, но не ветхое’. (например, его купили 5 лет назад, но не носили)
- (24) *kši-s'* *kunardən'* *i taštə*
 хлеб-DEF давнишний и старый
 ‘Хлеб несвежий (букв. ‘давнишний’) и черствый’.

При этом аналогичное сочетание слов *kunardən'* и *s'ir'ə*, так же, как и сочетание слов *taštə* и *s'ir'ə*, малоприемлемо из-за своей избыточности: у *s'ir'ə* отсутствует какая бы то ни было оценочная коннотация, поэтому единственное значение этой лексемы полностью входит в значения прилагательных *kunardən'* и *taštə*.

Идея значительной отдаленности момента возникновения объекта от момента речи присутствует и в семантике целого ряда русских прилагательных (*старинный*, *древний*, *вековой*), поэтому на первый взгляд может показаться, что семантика мокшанского *kunardən'* аналогична какой-либо из этих русских лексем. Оказывается, однако, что в случае указанных русских прилагательных имеется целый ряд отличий от мокшанской системы. Прилагательные *старинный* и *древний* предполагают возникновение объекта до момента рождения говорящего (с разной степенью отдаленности от этого момента, более значительной для лексемы

древний, см. сделанные в [Апресян (рук.) 2004: 1105–1106] наблюдения относительно слов *древность* и *старина*, справедливые и для соответствующих прилагательных⁹). Это, однако, совершенно необязательно для мокшанского *kunardən*’, ср. его употребление по отношению к мозоли, картошке или молоку. Для русского *вековой*, помимо буквальных контекстов типа *вековой юбилей*, отмечаются три наиболее частотных класса объектов: деревья (*вековая береза*, *вековой дуб*, *вековая ель*), посторонние субстанции на поверхности (*вековая грязь*, *вековая пыль*, *вековой слой ржавчины*) и абстрактные сущности (*вековая борьба за свободу*, *вековая мудрость*, *вековые традиции*). Таким образом, и в случае этого слова не происходит полного совпадения семантики и сочетаемости с мокшанским *kunardən*’.

4. Заключение

Предпринятое исследование приводит к следующим выводам:

1. Проанализированный нами материал подтверждает типологическую релевантность выделенных в [Рахилина 2000/2008] базовых классов ситуаций и корректность их использования в качестве основы для типологической анкеты.

2. Наряду с этим, уральский материал свидетельствует о необходимости более дробного членения выделенных типов ситуаций (что отмечалось на материале ряда других языков и в [Rakhilina, Marushkina 2013]). Так, для ненецкого языка релевантна оппозиция по полу внутри типа СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК; в коми-зырянском и ненецком языках особым образом категоризируются деревья; в мокшанской системе важен параметр оценки объекта, а также интересно с типологической точки зрения характеризуется значительная отдаленность возникновения объекта от момента речи.

3. Категоризация семантических зон ‘старого’ и ‘молодого’, ‘нового’ устроена асимметрично: в зоне ‘молодого’, ‘нового’ системно закрепляются за одной лексемой те классы ситуаций, которые описываются разными лексемами в зоне ‘старого’.

⁹ Слово *древний* может относиться также к одушевленным объектам, необязательно появившимся на свет в древности, как в примерах типа *древняя старушка*, но такие его употребления явно вторичны и стилистически маркированы.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитив; ATT — аттенуатив; CMPR — сравнительная степень; CN — коннегатив; DAT — датив; DEF — определенное склонение; ESS — эссив; EVID — эвиденциальность; GEN — генитив; HAB — хабитуалис; ILL — иллатив; IN — инесив; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; O — объект; OBL — косвенная основа; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессивное склонение; PRON — основа личных местоимений; PRT — причастие; PRTC — частица; PST — прошедшее время; S — субъект; SG — единственное число.

Литература

- Апресян (рук.) 2004 — Ю. Д. Апресян (рук.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [Studia philologica]. М. — Вена: Языки славянской культуры — Венский славистический альманах, 2004.
- Бирюк и др. 2010 — О. Л. Бирюк, Е. В. Кашкин, А. И. Кузнецова, М. Н. Усачева. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка. Екатеринбург: Баско, 2010.
- Кошкарева (ред.) 2010 — Н. Б. Кошкарева (ред.). Диалектологический словарь ненецкого языка. Екатеринбург: Баско, 2010.
- Кузьмина 2011 — К. В. Кузьмина. Признаковые слова со значением времени в китайском языке. Дипломная работа. РГГУ, М., 2011.
- Рахилина 2000/2008 — Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000 (2-е изд. — 2008).
- Рахилина, Резникова 2013 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания 2, 2013. С. 3–31.
- Терещенко 1965 — Н. М. Терещенко. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
- Цыпанов 2007 — Е. А. Цыпанов. Особенности обозначения понятий молодой — старый в финно-угорских языках // В. А. Виноградов, Т. Б. Агранат, В. Ю. Гусев (ред.). Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К. Е. Майтинской (Москва, 12–16 ноября 2007 г.). Тезисы. М., 2007. С. 247–252.
- Rakhilina, Marushkina 2013 — E. V. Rakhilina, A. S. Marushkina. A new approach in 'old' studies. Poster presented at Association for Linguistic Typology 10th Biennial Conference (ALT10). Leipzig, August 15–18, 2013.

Taylor 1992 — J. R. Taylor. Old problems: adjectives in Cognitive Grammar // Cognitive Linguistics 3.1, 1992. P. 1–35.

Источники

Архив ОГТРК «Ямал-Регион» — Архивные аудио- и видеозаписи Творческого объединения коми программ Дирекции программ народов Севера Окружной государственной телевизионной и радиовещательной компании «Ямал-Регион», г. Салехард.